

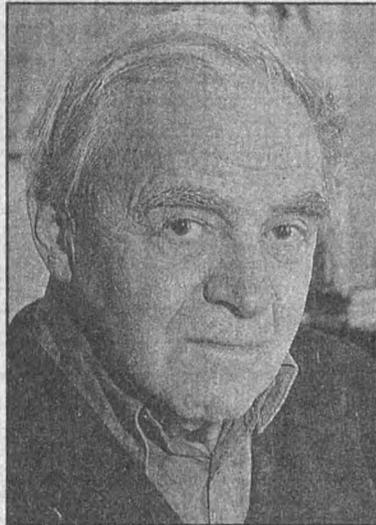
В этом 41-го он записался в ополченцы, дрался у стен Ленинграда, на первом Прибалтийском фронте, закончил войну в танковой дивизии под Кенигсбергом. В начале января Даниилу Александровичу Гранину исполнилось 75 лет. Сегодня писатель размышляет о тех жутких и героических днях, он вновь как бы слышит голоса тех, кто прошел круги 900-дневного блокадного ада.

- «Блокадную книгу» мы писали вместе с белорусским писателем-партизаном Алесем Адамовичем. Ходили по квартирам блокадников и записывали их рассказы. Тогда, 15 лет назад, блокадники были еще не редкость. Обошли 200 человек. Если перевести записанное с магнитной ленты на бумагу, получится 60 тысяч страниц на машинке.

Работая над книгой, мы узнавали и иную блокаду, отличную от казенного стереотипа, созданного партийной пропагандой, которая предписывала считать осаду города некой оторванной от людей, абстрактной героической эпопеей, завершившуюся разгромом немцев под Ленинградом. Там же, страница за страницей, открывалось то, что стояло за этим героизмом, что означала эта стойкость. Ведь они возникали из страданий, ужасов и смертей, ставили перед каждым человеком мучительные нравственные проблемы. Что такое была блокада для рядовых жителей, обитавших лютой зимой в ледяных склепах, в которые превращались жилища? Какие бездны человеческого духа обнажались, когда мать должна была решить, кого из детей спасти, ибо уже понимала, что двум ее чадам не выжить... Как вести себя в нечеловеческих условиях, на что опереться душой?

Конечно, люди решали эти страшные проблемы по-разному, и человеческие души открывались нам порой с самых неожиданных и потрясающих сторон. Многим помогло устоять и выжить исконно присущие ленинградцам духовность и культура. Люди начинали вести дневники, писали стихи, тянулись к литературе, искусству. Казалось, культура поддерживала человека не только морально, но и физически. Не случайно, наверное, в эти годы в городе работали филармония, театры, проводились научные конференции в музеях.

Вставляли и такие мучительные вопросы: что лучше - спрятаться и лежать, экономя последние силы, или что-то делать, ходить на работу? Нас с Адамовичем поразило, что спасались большей частью те, кто спасал других, несмотря на то, что они тратили вроде бы больше калорий. До сих пор, например, медицина, психиатрия в частности, не может

объяснить, почему женщины оказывались, как правило, более стойкими, жизнеспособными. Или взята проблема отношений человека и домашних животных. Не совсем правда, что в Ленинграде съели всех кошек и собак. Были люди, которые не позволяли себе опуститься до этой черты. Вот запись в моей записной книжке: «Мальчики Толя Солпигаторов и Юра Григорьев на мышеловку-хлопушку ловили воробьев. Когда они принесли первую добычу домой, рассчитывая на похвалу и дополнительное питание, Толина бабушка замахала руками, что это божья птица, заставила выпустить ее. Это было ужасно. После этого мальчики приносили воробья на Юркину квартиру и там их готовили».

- Не кощунственно ли извлекать какие-то нравственные уроки из фактов поведения, образа действия людей, брошенных судьбой, историей в такие безнравственные ситуации, в которых альтернати-

вой человеческому достоинству могли быть любые, прямо противоположные поступки, и никому не дано сегодня право судить их?

- Да, сама блокада - безнравственная ситуация, совершенно верно. Но она имеет сегодня, я бы сказал, особо актуальное значение. Мы очень приблизились в некоторых сторонах своего нынешнего бытия

в издании городом, который пережил и победил блокаду...

- Книгу приняли в штывы в обкоме КПСС. Запретил ее издавать лично Романов, тогдашний хозяин города. Там было сказано, что книга разрушает традиционный образ героического города. Вокруг блокады всегда шла какая-то политическая возня. Запрещалось, например, называть подлин-

- Обещал поддержать мэр города Собчак. Но вы же знаете, с какими финансовыми трудностями сопряжено нынче издание книги, не претендующей стать коммерческим боевиком. Так что не знаю, право, удастся ли осуществить переиздание.

- Не кажется ли вам, Даниил Александрович, что слова Ольги

веческих. Как Сталинград - образ города-войны, а Хиросима и Нагасаки - апофеоз ужасов атомной бомбежки, так и Ленинград - символ страданий, которые несет война мирному населению. Это города-образы, трагические лики второй мировой войны. В этом смысле ленинградская блокада забвению не подлежит.

- «Блокадная книга» заканчивается словами: «Мы завершили свою долгую работу со странным чувством, все с тем же неотступным вопросом: зачем, ради чего оживили мы этих давно ушедших людей, их давние муки и боль? Мы много раз отвечали себе на этот вопрос. И до конца все же не знали ответа... Сегодня вы его знаете?»

- К сожалению, история человеческих страданий, выходящих за пределы мыслимых возможностей души и плоти, не только наше прошлое. То, что происходит сегодня в Армении или Грузии, которые еще не стали чужими нам странами, неожиданно как-то приблизилось к тому, что творилось в осажденном Ленинграде. Мертвые окна домов, больницы без тепла и света, люди в хлебных очередях, беженцы, лишённые крова, - все это невольно воскрешает в памяти блокадные образы. Сегодняшний день как-то не позволяет задвинуть в архивы трагические лики минувшего.

Мысль Достоевского о том, что если Бога нет, то все дозволено, если душа не бессмертна, то жизнь бессмысленна, была мучительной для меня, неверующего. Опыт работы над книгой показал, что блокада вывела людей за пределы, за грани привычных запретов, обусловленных воспитанием, устоявшихся моральных ценностей. Чем больше всматривался я в блокадные тени, тем явственнее вставал другой вопрос: если все было дозволено, то почему не переступали, откуда брали силы, падая, останавливаясь у последней черты? Что удерживало? Стыд? Совесть? Или нечто иное, таинственное, чего не в состоянии мы выразить обыденными словами, но что заставляет отступать все силы зла? А что если совесть - это вопросы, которые Бог задает человеку, обрекая его всю жизнь искать ответы на них?

Беседу вел Юрий КУКАНОВ, соб. корр. «РВ».

Фото Павла МАРКИНА. Санкт-Петербург.

Даниил ГРАНИН:

«Небывалая по жестокости осада города не расчеловечила людей, не убила их благородства...»

к той блокадной черте. Но, сопоставляя прошлое и настоящее, радуясь, что в условиях невероятных лишений, большинство ленинградцев, я имею право категорически это утверждать, не позволяли себе расчеловечиваться. Между тем, как мы сегодня, переживая разные сложности и трудности и морального, и материального плана, но находясь совершенно в иных не сравнимых условиях, позволяем себе расчеловечиваться гораздо вольготнее. Не буду приводить факты - достаточно полистать свежую газету или включить телевизор.

Да, ленинградцы были поставлены в совершенно аморальные и безнравственные условия, но подвиг их в том и состоит, что они нашли в себе силы сохранить человеческий облик. Хотя, конечно, были случаи и мародерства, и людоедства, и другие проявления самых низменных сторон человеческой природы.

- Я знаю, что у «Блокадной книги» трудная судьба. Ей было отказано

ное число ее жертв, кроме утвержденной, представьте себе - в ЦК КПСС, цифры - 660 тысяч. Хотя историки давно уже неопровержимо доказали, что город заплатил за блокаду более чем миллионом жизней своих жителей. Был разогнан и репрессирован музей блокады.

Полгода мы с Адамовичем боролись за книгу в Москве, пока не удалось ее напечатать в «Новом мире». Цензура предложила нам сделать 65 изъятий. Дело дошло до Суслова, который, разумеется, поддержал своих цензоров. В Ленинграде «Блокадная книга» вышла только в 1984 году. Частично удалось восстановить некоторые купюры. Недавно в журнале «Звезда» напечатаны две главы - о мародерстве в Ленинградском деле, которое в какой-то мере явилось следствием блокады. Но полный текст «Блокадной книги» не опубликован и по сей день.

- Есть ли надежда, что читатели познакомятся с «Блокадной книгой» без купюр?

Берггольц «Никто не забыт и ничто не забыто», выбитые на граните Пискаревского мемориального кладбища, где похоронены жертвы блокады, стали как-то тускнеть в нашем сознании? Что память о блокаде будет теплится лишь до тех пор, пока еще живы убывающие числом люди, познавшие бесчеловечную ее суть?

- Временами возникает ощущение незаслуженного забвения. Оно имеет свои исторические корни: к Ленинграду всегда относились с некоторой подозрительностью и партийное руководство и вообще власти предержавшие. Только совсем недавно блокадники стали пользоваться кое-какими льготами.

Если абсолютизировать слова Ольги Федоровны, то - да: многое забыто и многие забыты. Но слова ее - поэтический образ. И как поэт она совершенно права: в народной памяти блокада останется мерилем великих страданий чело-